

Джек Лондон

ЗОВ ПРЕДКОВ

*Старинные, бродячие стремленья,
Заглохшие в культуре, от веков,
Вдруг вновь переживают пробужденье
И дикий зверь выходит из оков...*

I

НАЗАД К ПЕРВОБЫТНОСТИ

Бэк не читал газет, иначе он знал бы о том, что беда надвинулась не на него одного, а на всех собак ньюфаундлендской породы, с сильными мускулами и теплой, длинной шерстью, от Пюджет-Саунда до Сан-Диего. Все оттого, что люди, пробираясь ощупью сквозь полярную мглу, вдруг набрали на желтый металл, а пароходные компании и транспортные общества немедленно оповестили об этой находке весь свет — и тогда, в надежде на богатую добычу, тысячи людей вдруг устремились на Север. Этим людям нужны были собаки — и собаки большие, с клыками, сильными мышцами и теплой пушистой шерстью для защиты от мороза.

Бэк жил в большом доме в облаканной солнцем долине Санта-Клара. Это поместье называлось «усадьбой судьи Миллера». Дом находился в стороне от дороги, полускрытый среди деревьев, сквозь листву которых виднелась широкая тенистая веранда, огибавшая его с четырех сторон. Почти к самому дому подходили усыпанные щебнем дорожки, точно змейки, извивавшиеся по широким лужайкам между группами ветвистых, высоких тополей. Позади широко раскинулись различные службы: обширные конюшни, в которых все время возились чуть ли не двенадцать конюхов и грумов; ряды обросших диким виноградом домиков для служащих, бесконечная правильно распланированная вереница построек, виноградники, зеленеющие пастбища, фруктовые сады. Были там и приспособления для артезианского колодца, и огромный цементный водоем, в котором сыновья судьи Миллера

купались каждое утро и освежались в знойные дни.

И над всем этим огромным поместьем властвовал Бэк. Здесь он родился и прожил все четыре года своей жизни. Конечно, тут были и другие собаки. В такой обширной усадьбе не могли не быть другие собаки, но они в счет не шли. Они появлялись и исчезали, жили в конурах или же владели ничтожное существование где-то в глубине дома, подобно Тутсу — маленькой японской собачке, или Изабель — совершенно лишенной шерсти крошке из Мексики. Эти собачонки редко высовывали нос на воздух и почти никогда не ступали лапками прямо на землю. Были здесь и фокстерьеры — даже целая их свора; они часами лаяли на Тутса и Изабель, решавшихся иногда выглянуть из окошка под защитой многочисленных горничных, вооруженных швабрами и половыми щетками.

Бэк не был ни комнатной, ни дворовой собакой. Все окружавшее было его царством. Он плавал в цементном бассейне или ходил на охоту с сыновьями судьи; он сопровождал дочерей судьи, Молли и Алису, в их прогулках в сумерки и ранним утром; в зимние вечера он лежал у ног судьи перед камином в библиотеке; он возил на спине внуков судьи, или кувыркался с ними на траве, или же сопровождал их в путешествиях, полных рискованных приключений, вплоть до конюшни и

даже далее, где прыгали жабы через тропинки фруктового сада. С видом повелителя он разгуливал среди фокстерьеров и совершенно игнорировал Тутса и Изабель, ибо он был королем — королем над всем, что ползало, лежало и летало в пределах поместья судьи Миллера, включая и двуногих.

Его отец — Эльмо, громадный сенбернар — был в свое время неразлучным спутником судьи, и Бэк был призван заменить отца. Он не достиг громадной величины отца, весил только сто сорок фунтов, так как его мать была шотландская овчарка. Однако этого веса, — к которому надо прибавить еще и то чувство собственного достоинства, которое является следствием сытой жизни и всеобщего уважения, — было достаточно, чтобы позволять ему держать себя по-королевски. Все четыре года, с той самой поры, когда он был еще щенком, он прожил жизнь пресыщенного аристократа, был преисполнен гордости и отличался некоторой эгоистичностью, как это случается с помещиками, уединенно живущими в деревне. Но Бэка спасало то, что он не был на положении избалованной комнатной собачки. Охота и подобные ей другие развлечения на свежем воздухе не давали ему разжиреть и закаляли его мускулы. Кроме того, пристрастие к воде, как у всех пород, привыкших к холоду, было прекрасным закаляющим средством и сохраняло ему здоровье.

Так жил Бэк до конца 1897 года, когда открытие золота в Клондайке потянуло людей со всего света на далекий, холодный Север. Но Бэк не читал газет и не знал к тому же, что дружба с Мануэлем, одним из помощников садовника, представляет для него некоторую опасность. У Мануэля был один большой порок — он любил играть в китайскую лотерею. Кроме того, у него была непобедимая слабость — вера в систему, и это неизбежно вело его к катастрофе. Чтобы играть по системе, нужны деньги, а его жалование помощника садовника едва покрывало нужды его жены и многочисленного потомства.

В памятный день предательства Мануэля судья был на собрании общества виноделов, а мальчишки, как нарочно, были заняты организацией спортивного клуба. Никто поэтому не заметил, что Мануэль и Бэк отправились на прогулку (так по крайней мере представлял себе Бэк) за фруктовый сад. И, за исключением одного человека, никто не видел, как они прибыли на полустанок, известный под названием Колледж-парк. Этот человек поговорил с Мануэлем, и затем послышался звон передаваемых монет.

— Мог бы завернуть товар перед тем, как давать его покупателю, — угрюмо сказал незнакомец, и Мануэль два раза обернул шею Бэка под ошейником толстой веревкой.

— Затяни покрепче, тогда не вырвется, так у него перехватит дыхание, — заметил Мануэль, и незнакомец пробурчал что-то утвердительно.

Со спокойным достоинством Бэк дал надеть себе на шею веревку. Правда, это казалось необычным, но он привык доверять людям, которых знал, признавая их мудрость, превосходящую его собственную. Однако, когда конец веревки был передан незнакомцу, Бэк угрожающе зарычал. Он только намекнул на свое недовольство, по своей гордости воображая, что намекнуть — значит приказать. К его изумлению, веревка затянулась вокруг его шеи так, что у него прервалось дыхание. В порыве бешенства он кинулся на человека, но тот на лету крепко стянул ему горло и ловким движением повалил на спину. После этого веревка безжалостно душила Бэка, пока он, высунув язык и со спертым в громадной груди дыханием, яростно боролся с человеком.

Никогда еще за всю его жизнь с ним так грубо не обращались, и никогда еще он не был так разгневан, как теперь. Но силы изменили ему, глаза закатились, и он уже ничего не сознавал, когда подошел поезд и два человека бросили его в багажный вагон.

Очнувшись, он смутно ощутил боль в языке и то, что его подкидывало в каком-то странном двигавшемся помещении. Хриплый свисток

паровоза на разъезде объяснил ему, где он находится. Он слишком часто путешествовал с судьей, чтобы не знать ощущений езды в багажном вагоне. Он открыл глаза, и в них загорелся неудержимый гнев властителя, попавшего в плен. Человек бросился к нему, чтобы схватить его за горло, но Бэк оказался проворнее. Его челюсти мертвой хваткой вцепились ему в руку и не отрывались до тех пор, пока он снова не лишился сознания, придушенный веревкой.

— Да-с, припадочки, — сказал незнакомец, пряча свою искусанную руку от проводника, которого привлек шум схватки. — Вот везу его по поручению хозяина в Сан-Франциско. Какой-то тамошний собачий доктор будто бы берется его вылечить.

В тот же вечер в маленькой задней комнатке кабачка в Сан-Франциско этот человек говорил более красноречиво:

— Только пятьдесят и получил, — ворчал он. — Честное слово, теперь и за тысячу наличными не согласился бы!

Рука его была обернута окровавленным платком, а правая штанина разодрана от колена до щиколотки.

— А тот, другой-то дурак, сколько получил? — спросил содержатель кабачка.

— Сто, — последовал ответ. — «Меньше не

возьму», — говорит, черт бы его побрал!

— Итого, значит, сто пятьдесят, — подвел итог содержатель кабачка. — А собака стоит того. Хорошая собака!..

Вор развернул окровавленный платок и посмотрел на свою израненную руку.

— Только бы не бешеная, — сказал он.

— А если бешеная!.. Все равно от бешенства не умрешь, тебе на роду написано умереть на виселице, — засмеялся кабатчик и добавил: — Лучше помоги-ка мне пока что...

Измученный, с невыносимой болью в горле и на языке, полуживой, Бэк все-таки попытался достойно противостоять своим мучителям. Но при каждой попытке к сопротивлению его бросали на пол и душили.

Наконец им удалось стащить с его шеи тяжелый медный ошейник. Потом с него сняли и веревку и бросили его в деревянный ящик, похожий на клетку.

Там он и пролежал весь томительный остаток ночи, не находя себе покоя от гнева и оскорбленной гордости. Он никак не мог понять, что все это значило. Чего им нужно, этим чужим людям, от него? Почему они держат его взаперти в этой тесной клетке? Он не мог объяснить себе всего этого, но его удручало смутное предчувствие грядущей беды.

Ночью, когда отворялась дверь кабачка, он несколько раз вскакивал, ожидая, что войдет судья или явятся мальчики. Но каждый раз к нему склонялось жирное лицо кабатчика, который навещал его с сальной свечкой в руке. И каждый раз радостный лай, с которым Бэк готовился встретить своих хозяев, сменялся разочарованным диким рычанием.

Но кабатчик его не трогал. Утром вошли четверо каких-то людей и подняли клетку.

«Еще мучители...», — подумал Бэк, потому что увидел подозрительных людей, лохматых и оборванных. Он яростно бросался на них через прутья клетки, бесновался и громко лаял. Они смеялись и тыкали в него палками, которые он хватал и грыз, пока, наконец, не понял, что этого они и добивались. Тогда он угрюмо улегся и не сопротивился, когда клетку стали ставить на повозку. После этого и сама клетка, и ее пленник начали переходить из рук в руки. Сперва им занялись конторщики в транспортной конторе, затем его протащили некоторое расстояние на другой повозке, далее какой-то экипаж повез его вместе с целой коллекцией ящиков и посылок на пароход, затем с парохода на какой-то большой вокзал и, наконец, опять погрузили в железнодорожный вагон, чтобы везти еще куда-то дальше.

Два дня и две ночи вагон мчался за

взвизгивавшим паровозом, и двое суток Бэк ничего не ел и не пил. Разозленный, он встречал рычанием попытки проводников приласкать его, и они из мести стали его дразнить. Когда, дрожа от гнева и с пеной у рта, он бросался к прутьям, они над ним потешались и издевались: рычали и лаяли, как самые ужасные собаки, мяукали, хлопали в ладоши и кричали петухами. Он, конечно, знал, что все это глупо, но именно поэтому и считал эти обиды оскорбительными для своего достоинства. Гнев его все нарастал и нарастал. Голод его мучил не особенно сильно, но отсутствие воды заставляло страдать и доводило его ярость до предела. Он был собакой тонкой организации и большой чувствительности: от всех пережитых испытаний он заболел лихорадкой, осложнившейся воспалением распухших горла и языка.

Одно его утешало: не было на нем веревки. Она давала его врагам превосходство. Но теперь, раз ее нет, он им покажет! В другой раз им уже не удастся затянуть ему шею. Это он решил твердо и бесповоротно. Два дня и две ночи он ничего не ел и не пил и за это полное мучений время успел накопить такую злобу, что плохая встреча ждала того, кто первый к нему подойдет... Глаза его налились кровью; он превратился в разъяренного дьявола. Он так изменился за это время, что сам судья, наверное, не узнал бы его, и проводники

вздохнули с облегчением, когда сдали его, наконец, с рук на руки на конечной станции Сиэтл.

Четыре человека опасливо пронесли его из фургона в маленький дворик, окруженный высокой стеной. Какой-то толстый человек в красном свитере с широким воротом вышел навстречу и расписался в книге у кучера в получении.

«Новый человек, новый мучитель», — решил Бэк и, дико зарывчав, бросился к прутьям клетки.

Человек в красном свитере насмешливо улыбнулся и принес топор и дубину.

— Неужели вы хотите его выпустить? — осведомился кучер.

— Ну разумеется! — ответил человек и подсунил под доску клетки топор.

Тотчас же все четыре человека, внесшие клетку, бросились врассыпную. Быстро вскарабкавшись на высокую стену, они приготовились со своего безопасного места смотреть на интересное представление.

Незнакомец начал рубить топором палки клетки.

Бэк вцепился в затрещавшее дерево, впился в него зубами, рычал, грыз. Где бы ни ударил топор снаружи, он с воем и ворчанием бросался сюда же с внутренней стороны. Он так же бешено старался выбраться из клетки, как, видимо, этого желал для него и человек в красном свитере. Только, в

противоположность Бэку, человек был совершенно спокоен.

— Ну-ка, красноглазый черт! — сказал он наконец, когда отверстие увеличилось настолько, что могло пропустить Бэка.

В то же время он бросил топор и взял в правую руку дубинку.

Действительно, Бэк напоминал теперь красноглазого дьявола, весь съежившись для того, чтобы поскорее выпрыгнуть. Шерсть у него встала дыбом, изо рта шла пена, а в налитых кровью глазах горел безумный огонь. Бэк обрушился на человека всей тяжестью своих ста сорока фунтов — ста сорока фунтов чистой ярости и еще насыщенных накопившимися за эти двое суток напряженной страстью и жадой мести. Но на

половине прыжка, в то самое мгновение, как его челюсти уже готовы были схватить жертву, он получил такой удар, который на лету отбросил его. Щелкнув зубами от сильнейшей боли, он стиснул пасть, перекувыркнулся и ударился о землю боком и спиной. Его еще ни разу в жизни не били палкой, и он не понимал, в чем дело. С воем, в котором слышались и лай, и визг, он вскочил и взвился в воздух. И вновь на него обрушился удар, повалив его на землю. На этот раз он понял, что причиной всему этому была дубинка, но его безумная ярость уже не имела границ. Раз десять подряд он бросался вновь и вновь, но дубинка мгновенно подкашивала его и швыряла наземь.

После одного особенно жестокого удара он с трудом поднялся. Он был теперь слишком разбит для того, чтобы снова напасть на человека. Кровь текла у него из носа, пасти и ушей, вся его чудесная шерсть была испачкана кровавой пеной, а он сам едва держался на ногах и бессильно покачивался из стороны в сторону. Тогда человек в красном свитере подошел ближе и спокойно, размеренно нанес ему сокрушающий удар по носу. Вся прежняя боль, которую когда-либо испытывал Бэк, была ничтожной по сравнению с той, что он ощутил теперь. С ревом, напоминавшим львиное рычание, он опять бросился на человека. Но тот, переложив дубинку из правой руки в левую, спокойно схватил

его за нижнюю челюсть и стал дергать его взад и вперед. Бэк описал в воздухе полный круг, потом еще полкруга и затем плашмя упал на землю.

В последний раз попытался он броситься на человека. Тот нанес ему невероятно мощный удар, точно приберег его напоследок. Бэк тяжело грохнулся о землю, потеряв сознание.

— А парень-то не дурак! — с восторгом воскликнул один из зрителей на заборе. — Справится с каким угодно псом!.. Молодчина!

— А по-моему, — ответил кучер, влезая на повозку и трогая лошадей, — лучше день и ночь бить камни, да еще и по воскресеньям, чем так колотить животных.

К Бэку вернулось сознание, но не силы. Он лежал там, где упал, и следил глазами за человеком в красном свитере.

— Гм... Отзывается на кличку Бэк, — проговорил человек в красном, читая письмо, которым кабатчик извещал его о собаке в клетке. — Ну-с, Бэк, дружок, — продолжал он веселым тоном, — мы с тобой малость погорячились, но это ничего... Теперь самое лучшее, что мы с тобой можем сделать, это — оставить все, как оно есть. Ты теперь знаешь свою роль, а я — свою. Будь же хорошей собакой — и все пойдет как по маслу. А станешь баловаться, увидишь, что я дурь из тебя выколочу. Понял?

С этими словами он храбро погладил ту самую голову, которую только что немилосердно бил. Бэк невольно отпрянул от прикосновения его руки, но все же не протестовал. Когда человек принес ему воды, он охотно попил, а затем стал жадно пожирать громадный кусок сырого мяса из рук своего недавнего врага.

Он был побежден (это он понял), но воля его не была сломлена. Он узнал раз навсегда, что ему не одолеть человека с дубинкой. Он усвоил этот урок и до конца своих дней не забывал его. Дубинка была для него откровением. Она впервые ввела его туда, где царит первобытный закон, и он принял это как предупреждение. Жизнь открыла ему теперь свою жестокую сторону, и, хотя он был побежден, в нем стала пробуждаться природная звериная хитрость.

Шли дни, прибывали новые собаки: одни, как Бэк, в клетках, другие — на привязи; одни вели себя кротко и покорно, другие — яростно и злобно, как он вначале; и все они до одной на его глазах проходили через такую же выучку у человека в красном. Снова и снова повторялся для Бэка при каждом жестоком укрощении все тот же урок: человек с дубинкой — законодатель, хозяин, которому нужно подчиниться, хотя совсем не обязательно любить его. Бэк не дошел до того, чтобы заглядывать в глаза хозяину либо лизать ему

руку, хотя и видел побитых собак, которые это делали. Он видел также, что одна собака, которая не хотела ни смириться, ни подчиниться, была в конце концов убита в борьбе за первенство между человеком и животным.

Время от времени приходили незнакомые люди и кто возбужденно, кто льстиво, на разный манер разговаривали с человеком в красном свитере. В их руках звенели деньги, и они уходили, взяв с собой одну или несколько собак. Бэк удивлялся, куда они уходили, потому что они никогда не возвращались, но страх перед будущим был так силен в нем, что он каждый раз радовался, когда выбирали не его.

Тем не менее дошла очередь и до него. Его судьбой оказался маленький худощавый человек, говоривший на ломаном английском языке и издававший восклицания, которых Бэк не мог понять.

— Черт возьми! — воскликнул он, когда его глаза остановились на Бэке. — Эта — корош собака! Теленок, не собака! А сколько?

— Триста! — с готовностью ответил человек в красном свитере. — Даром отдаю! А вам чего стесняться, Перро? Деньги-то ведь казенные!

Перро усмехнулся. Поскольку цены на собак вследствие невероятного на них спроса поднялись отчаянно, сумма, назначенная за такое прекрасное

животное, не показалась ему слишком высокой. Канадское правительство ничего не теряло, а его почта должна была работать как можно скорее. Перро знал толк в собаках и с первого же взгляда понял, что Бэк — один на тысячу собак.

«Один на десять тысяч», — мысленно заключил он.

Бэк увидел, как деньги перешли от одного человека к другому, и не удивился, когда худощавый человек взял с собой его и добродушного ньюфаундленда Кэрли. Больше Бэк никогда не видел человека в красном свитере, а когда затем он вместе с Кэрли смотрел с палубы парохода «Нарвал» на удалявшийся Сизтл, то это было его последним прощанием с теплым Югом. Перро свел его и Кэрли вниз и передал с рук на руки черномазому великану по имени Франсуа. Перро был темноволосым канадцем французской крови, а Франсуа — метисом, вдвое смуглее, чем Перро. Они казались Бэку новой породой людей (ему суждено было увидеть еще много им подобных впоследствии), и, хотя он не чувствовал к ним абсолютно никакой симпатии, однако научился их уважать. Он быстро узнал, что Перро и Франсуа справедливы, спокойны, беспристрастны и слишком умны, чтобы позволить себе издеваться над собаками.

На палубе «Нарвала» Бэк и Кэрли увидели

двух других собак. Одна была большим снежно-белым псом со Шпицбергена, которого в свое время вывез оттуда капитан китобойного судна и который потом сопровождал геологическую экспедицию в Баренс. Это был очень ласковый пес, но у него была предательская манера улыбаться в лицо и в то же время обдумывать какие-то козни. В первый же день он стащил у Бэка его мясо. Бэк бросился на него, чтобы его наказать, но в эту минуту Франсуа взмахнул хлыстом и ударил преступника. Бэку не оставалось ничего другого, как подобрать лакомую кость. Он решил, что поступок Франсуа свидетельствовал о его справедливости, и его уважение к метису возросло.

Другая собака не делала попыток к сближению, но и не пыталась воровать пищу у вновь пришедших. Это мрачное сдержанное существо твердо и определенно давало понять, что желает, чтобы его оставили в покое, и что плохо будет тому, кто захотел бы этот покой нарушить. Собаку звали Дэйв. Все время он ел и спал, позевывал и не проявлял ни к чему ни малейшего интереса. Даже в те часы, когда «Нарвал» проходил залив Королевы Шарлотты и качался по волнам, точно пьяный, когда Бэк и Кэрли волновались и чуть не сошли с ума от страха, Дэйв недовольно поднимал голову, достаивал их равнодушным

взглядом, позевывал и снова засыпал.

День и ночь пароход содрогался от неутомимой работы винта, и, хотя дни были похожи один на другой, Бэку стало казаться, что постепенно делается все холоднее и холоднее. Наконец в одно утро движение винта прекратилось, и на пароходе началось необычайное оживление.

Как и остальные собаки, Бэк ясно почувствовал это и понял, что предстоит перемена. Франсуа привязал всех собак на один ремень и вывел их на палубу. При первых же шагах по холодной земле лапы Бэка погрузились в какую-то белую, пушистую мякоть, которая была очень похожа на выкрашенную в белую краску грязь. Он с фырканием подскочил и попятился. Такая же белая масса падала сверху. Бэк отряхнулся, но на него падали новые хлопья. Он с любопытством понюхал, потом лизнул эту мякоть. Она жгла, как огонь, и быстро исчезала на языке. Это удивило его. Он опять попробовал — с тем же результатом. Зрители рассмеялись, и ему стало стыдно, хотя он и не признавал, почему именно. Он впервые увидел снег.

II

ЗАКОН ДУБИНЫ И КЛЫКА

Первый день, проведенный Бэком на берегу

Дайте, показался ему кошмаром. Каждый час приносил что-нибудь неожиданное и бывшее по нервам. Его внезапно вырвали из центра цивилизации и бросили в дикую первобытную страну. Не было прежней ленивой, зачарованной солнцем жизни, где он пил, ел, слонялся без дела и не знал, куда себя девать. Здесь не было ни мира, ни покоя, ни безопасности ни на одну минуту. Все находилось в состоянии непрерывного движения и деятельности, и каждую минуту грозила опасность. Была постоянная необходимость держаться настороже, так как здесь и люди, и собаки совсем не походили на городских собак и людей. Здесь жили дикари, все до одного не знавшие никаких законов, кроме закона дубины и клыка.

Бэк никогда не видел раньше, чтобы собаки дрались между собой так, как эти волкообразные существа, и первый опыт в этом отношении преподавал ему незабываемый урок. Правда, он не был непосредственным участником этого опыта, иначе ему не пришлось бы в своей жизни воспользоваться полученным уроком. Жертвой оказался не он, а Кэрли. Все собаки собрались у барака, и Кэрли самым добродушным образом стала заигрывать с грубошерстной собакой, величиною с доброго волка, хотя и вдвое меньше, чем сама Кэрли. Предупреждения не было: быстрый, как вспышка магния, прыжок и

металлический звук от шелканья зубами; затем прыжок назад — и морда Кэрли оказалась разорванной от глаза до пасти.

Укусить и потом отскочить — такова волчья манера драться, но дальше было еще хуже. Тридцать или сорок похожих на волков собак подбежали к месту происшествия и окружили дравшихся плотным молчаливым кольцом. Бэк не понимал ни этой молчаливой напряженности, ни жадного их облизывания. Кэрли набросилась на соперника, который снова вцепился в нее и отскочил. Затем этот похожий на волка пес встретил грудью дальнейший наскок. Он использовал какую-то своеобразную ухватку, от которой Кэрли повалилась на землю, и ей уже не было суждено подняться на ноги. Как раз этого и

ожидали наблюдавшие за дракой псы. С ворчанием и взвизгиваниями они сомкнули круг, и, заскулив в предсмертной агонии, Кэрли нашла свой конец под грудой навалившихся на нее мохнатых тел.

Все это произошло так быстро и так неожиданно, что Бэк в первую минуту растерялся. Он увидел Шпица, высунувшего свой крысиный язык как бы в приятной усмешке; увидел Франсуа, который, размахивая топором, бросился в середину свалки. Еще трое каких-то мужчин, схватив дубины, побежали к нему на помощь, чтобы разогнать собак. Продолжалось все это недолго. Через две или три минуты после того, как свалилась Кэрли, последний из нападавших был уже отогнан. Но Кэрли лежала на окровавленном примятом снегу, скрючившись, без движения, почти разорванная на части. Над ее трупом склонился метис и страшно ругался. Эта сцена потом часто тревожила Бэка во сне. Так вот оно как идет жизнь! Вот какова справедливость вообще! Раз тебя свалили, то ты, значит, погиб. Так ладно же! Бэк позаботится о том, чтобы никогда не оказаться сваленным! Шпиц снова высунул язык и засмеялся, и с этого момента Бэк возненавидел его горчайшей, смертной ненавистью.

Не успел Бэк оправиться от удивления, вызванного трагической гибелью Кэрли, как получил новый удар. Франсуа укрепил на нем

целую комбинацию из ремней и пряжек. Это была упряжь, подобная той, которую дома, у судьи, конюхи надевали на лошадей. Оказалось, что ему теперь нужно работать так, как работают лошади, которых, кстати сказать, он здесь не видел. Он стал таскать Франсуа на санях в лес, окаймлявший долину, и привозить оттуда дрова. Хотя он и считал оскорблением своего достоинства то, что его сделали упряжным животным, однако он был слишком мудр, чтобы выказывать неповиновение. Он безропотно освоился с упряжью и постарался тянуть как можно сильнее, хотя дело его и казалось ему первое время странным. Франсуа был строг, требовал немедленного повиновения и добивался его ударами кнута. Со своей стороны и Дэйв, который оказался опытным коренником, при каждой ошибке со стороны Бэка покусывал его за задние ноги. Вожаком был бывалый Шпиц, и так как ему не всегда удавалось хватать зубами Бэка, он критически ворчал на него и старался направить его на след, умело перекидываясь то на одну сторону, то на другую, в зависимости от того, с какой стороны сбивался Бэк. Бэк же легко постигал все то, что от него требовалось, и при совместном руководстве своих двух товарищей и Франсуа делал поразительные успехи. Еще раньше чем они вернулись в первый раз обратно, он уже понял, что надо остановиться при крике «хо», идти вперед при

команде «мут», откидываться на поворотах и держаться подальше от коренника, когда сани сами катились вниз под гору.

— Все три собаки удачные, — сказал Франсуа Перро. — Бэк тянет как черт. Я выучу его скорее скорого.

После обеда, так как надо было спешить с почтой, Перро привел двух новых собак. Это были два брата — Билли и Джо, оба — настоящие ездовые собаки. Хотя они и были сыновьями одной и той же матери, но отличались друг от друга, как день от ночи. Единственным недостатком Билли было его безграничное добродушие, в то время как Джо, напротив, всегда находился в кислом расположении духа и, видимо, был склонен к самоуглублению. Он все время ворчал, и в глазах его светилось что-то недоброе. Бэк встретил пришельцев по-товарищески, Дэйв игнорировал их, а Шпиц стал задирать сначала одного из них, потом другого. Билли сперва примирительно завилял хвостом, потом пробовал убежать, когда убедился, что миролюбием не добьешься ничего, и, наконец, когда острые зубы Шпица впились ему в бок, принялся плакать, все еще добродушно. Но, когда дело дошло до Джо, Шпиц мог угрожать ему сколько угодно: Джо все время резко оборачивался и оскаливал зубы. Шерсть у него ошетикивалась, уши прижимались назад, на губах появлялась пена,

зубы щелкали, и глаза так дьявольски сверкали, что он казался воплощением воинствующего ужаса. Его вид был до того страшен, что Шпицу пришлось отказаться от мысли припугнуть его. Чтобы отомстить ему за свое поражение, он опять накинулся на безобидного и все еще скулившего Билли и загнал его куда-то далеко от привала.

К вечеру Перро купил еще одну собаку — старого, щетинистого, длинноногого, сухопарого пса с мордой, покрытой шрамами от многих драк, и с единственным глазом, в котором, однако, сверкало громадное мужество, вызывавшее уважение. Собаку эту звали Соллекс, что значит «Сердитый». Как и Дэйв, она не просила ни о чем, ни в чем не уступала и ничего не ждала; и когда она решительно и не торопясь вошла в свою новую компанию, то даже Шпиц понял, что тут уж приставать нечего. Соллекс имел одну особенность, которую первый открыл, на свою беду, Бэк. Он не любил, чтобы к нему подходили со стороны его слепого глаза. Бэк, ничего не подозревая, оскорбил его, зайдя не с той стороны, и тотчас же убедился в своей оплошности, так как Соллекс мгновенно накинулся на него и прогрыз ему плечо на три дюйма до самой кости. С той поры Бэк остерегался подходить к нему со слепой стороны, и их дружба уже до конца ничем не омрачалась. Видимо, единственное, чего желал этот пес, как и Дэйв, —

чтобы его оставили в покое, хотя Бэк впоследствии и убедился, что у них была еще весьма существенная особенность.

Бэк в первую ночь столкнулся с большим вопросом: где спать? Освещенная свечкой палатка уютно манила к себе среди необозримой белой равнины. Когда он, нисколько не сомневаясь, что будет спать вместе со своими хозяевами, вбежал в нее, то оба, и Перро, и Франсуа, накинулись на него с криками, и стали бросать в него всем, что попало под руку, пока Бэк не оправился, наконец, от охватившего его смущения и не выбежал со стыдом и позором на холод. Дул резкий ветер, который пронизывал его насквозь и особенно жестоко впивался в раненое плечо. Он лег на снег и попытался заснуть, но мороз скоро поднял его на ноги. Жалкий, беспомощный, он стал блуждать около других палаток, но повсюду было холодно. То там, то здесь на него насакивали одичавшие собаки, но он ошетикивался и рычал (он этому скоро научился), и они не решались его тронуть.

В конце концов Бэк сообразил. Надо было посмотреть, как устроились его товарищи по упряжке. К своему удивлению, он заметил, что все они исчезли. Опять он пошел бродить по обширному лагерю и опять вернулся ни с чем. Может быть, они в палатке? Нет, этого не могло быть, иначе и его не прогнали бы оттуда. Но тогда

где же они? Опустив хвост, дрожа всем телом и чувствуя себя глубоко несчастным, он стал бесцельно бродить вокруг палатки. Вдруг снег провалился у него под передними лапами, и он стал куда-то погружаться. Что-то теплое зашевелилось у него под лапами. В страхе перед невидимым и неведомым, он с фырканием и рычанием отпрянул. Но донесшееся до него короткое, дружелюбное тьяканье успокоило его, и он опять подошел к тому месту, чтобы посмотреть, в чем дело. Струя теплого воздуха коснулась его ноздрей, и вот под снегом, свернувшись калачиком, лежал у его ног Билли. Он ласково заскулил, слегка даже взвизгнул и тотчас же заерзал в снегу, выказывая Бэку приятельское расположение и добрые намерения, и даже лизнул его теплым, влажным языком в морду, чтобы расположить его к себе.

Еще урок: так вот как собаки справляются здесь с холодом! Бэк доверился этому наглядному обучению и, выбрав местечко, с большими усилиями и ненужным напряжением стал выкапывать для себя в снегу яму. Она тотчас же наполнилась теплом от его тела, и он сладко заснул. День был длинным и утомительным, и Бэк спал хорошо и крепко, лишь время от времени лая и ворча во сне от посещавших его тяжелых сновидений.

Бэк проснулся только тогда, когда

послышались шорохи пробуждающегося лагеря. Сперва он не сообразил, где находится. Всю ночь шел снег и совершенно завалил его. Снежные стены давили на него со всех сторон, и вдруг его обуял безграничный страх, какой обыкновенно испытывает всякий зверь, попавший в западню. Этот испытанный им страх был первым признаком того, что он начинает возвращаться к жизни своих далеких предков, так как, будучи цивилизованной, а может быть, и не в меру цивилизованной собакой, он совершенно не знал, что такое западня и что значило в нее попасть. Все его мышцы спазматически и инстинктивно напряглись, шерсть на шее и плечах встала дыбом, и с диким воем, разметав вокруг себя искрившийся снег, он выскочил наверх, в простор яркого дня. Еще не отходя от своей ямы и только увидев перед собой широкое снежное поле, он сразу сообразил, где находился, и припомнил все, что произошло с ним со времени его прогулки с Мануэлем вплоть до вчерашнего вечера, когда он вырыл себе эту нору в снегу.

Крик Франсуа приветствовал его появление.

— Что я говорил? — воскликнул он, обращаясь к Перро. — Этот Бэк все узнает сам, и скорее всех.

Перро серьезно кивнул в знак согласия. В качестве курьера канадского правительства, с

обязанностью перевозить важные бумаги, он очень заботился о том, чтобы приобретать самых лучших собак, и был теперь очень доволен, что удалось купить Бэка.

В какой-нибудь час к запряжке были присоединены еще три собаки, так что всего их оказалось девять. А еще через четверть часа сани уже быстро катили по дороге к Дайе. Бэк радовался этой поездке, и, хотя работа оказалась тяжелой, он не прочь был потрудиться. Его поразил пыл, с каким собаки мчали сани, и этот пыл передался ему; но еще более удивила его перемена, происшедшая вдруг в Дэйве и Соллексе. Казалось, упряжь их переродила. Пассивность и равнодушие к жизни исчезли. Собаки ожили, стали деятельными, подвижными, заботились только о том, чтобы все шло хорошо, и страшно раздражались, когда происходила задержка или какое-нибудь замешательство, из-за которых сани останавливались. Труд, который они вкладывали в дело, казался подлинной сущностью их бытия. Только для него одного как будто они и существовали, только в нем одном и находили счастье.

Бэка поместили между Дэйвом и Соллексом, чтобы он постоянно находился под их опекой. Он оказался очень способным учеником, а они были хорошими учителями, никогда не позволявшими

ему ошибаться и подкреплявшими свои уроки острыми зубами. Дэйв был справедлив и рассудителен: он никогда не кусал Бэка без причины, но никогда не упускал случая цапнуть его, когда требовалось. Удары кнута Франсуа научили Бэка тому, что подчиняться безусловно выгоднее, чем противиться. Однажды во время короткой остановки Бэк запутался в постромках и задержал отправление. Дэйв и Соллекс совместно налетели на него и проучили как следует. Путаница сделалась от этого еще сложнее, но с тех пор Бэк стал стараться не путать постромки, и не прошло дня, как он уже так хорошо справлялся с работой, что его соседям по упряжке не за что было наказывать его своими зубами. Кнут Франсуа стал щелкать над его головой все реже и реже, а Перро даже почтил Бэка тем, что внимательно осмотрел его лапы.

Дневной переход оказался очень тяжелым: они шли вверх по ущелью, прошли через Овечью равнину, мимо Весов и северной границы леса, через ледники, сугробы и глубокие пропасти и, наконец, поднялись на великий Чилкутский водораздел, который тянется между бассейнами пресной воды и морем и, как верный страж, охраняет подступы к унылому, пустынному Северу. Они быстро промчались по льду ряда озер, наполняющих своей водой кратеры потухших

вулканов, и поздно ночью прибыли в огромный лагерь, расположенный у озера Беннет, где тысячи золотопромышленников строили лодки в ожидании весеннего разлива. Бэк вырыл себе нору в снегу и уснул в ней сном измученного праведника, но рано утром его подняли на ноги и опять вместе с другими собаками запрягли в сани.

В этот день они прошли сорок миль, так как мчались по накатанной дороге, но на следующий день и в течение еще многих дней им пришлось прокладывать себе по снегу свежий след, работа стала тяжелее, и движение замедлилось. Перро обычно шел впереди собак, утапывая и намечая путь на лыжах, а Франсуа, направлявший ход собак посредством длинного шеста, иногда менялся с ним ролями. Перро торопился и, кроме того, гордился своим знанием льда, которое было действительно необходимо, так как лед был ненадежен, а там, где течение было быстрым, и вовсе отсутствовал.

День за днем — казалось, конца не будет их бесконечной веренице, — Бэк тянул свои постромки. Привал делали обычно только вечером, когда уже становилось темно, а чуть начинало брезжить утро, сани были уже в пути, оставляя позади себя на несколько миль свежий след. Собак кормили только раз в сутки, с наступлением темноты; они съедали по куску рыбы и забирались спать под снег. Бэк был страшно прожорлив; он не

мог удовлетвориться своим дневным пайком в полтора фунта сушеной лососины и непрерывно страдал от голода. Между тем остальные собаки вследствие своего меньшего веса и того, что родились для такой жизни, получали всего по одному фунту рыбы и чувствовали себя превосходно.

Бэк скоро позабыл о том, как был разборчив в пище, когда жил у себя дома на Юге. Поскольку он привык есть не спеша и смакуя каждый кусочек, ему скоро пришлось убедиться в том, что его товарищи нарочно спешили окончить свой обед, чтобы затем стащить у него остатки его порции. Защитить свою пищу было невозможно: когда он отнимал пищу у двоих или троих, она уже исчезала в горле у третьего или у четвертого. Чтобы выйти из положения, он научился есть так же быстро, как и остальные собаки. Впрочем, к этому в значительной степени его побуждал и голод. Тот же голод соблазнял его стащить у кого-нибудь то, что плохо лежало. Он следил за этим и ждал случая. Однажды он увидел, что хитрый и вороватый Пайк, один из недавно купленных псов, стащил у зазевавшегося Перро ломтик поджаренного сала. На следующий же день Бэк повторил этот маневр, схватил целый кусок и удрал. Поднялась суматоха, но на него не пало и тени подозрения. За проступок Бэка поплатился неловкий Дэйв, который всегда

попадался.

Эта первая кража ясно показала Бэку, как надо действовать, чтобы выжить в суровой обстановке Севера. Воровство дало ему понять, что необходимо приспособляться к новым условиям жизни, и, не будь у него этой способности к приспособлению, ему, вероятно, пришлось бы погибнуть мучительной смертью. Далее эта кража повела к тому, что его моральные понятия стали давать слабину, так как в непрестанной борьбе за существование они оказывались ненужным и вредным грузом. Они были нужны там, на Юге, где царил закон любви и дружбы; там нужно было уважать собственность и считаться с интересами других; здесь же, на диком Севере, где царил закон дубины и клыка, всякий, кто стал бы считаться с такими пустяками, неизбежно прослыл бы за дурака, а если бы продолжал придерживаться их, то потерял бы всякую надежду на успех.

Конечно, Бэк не сознавал всего этого. Ему надо было только приспособляться, не более; и он бессознательно приспособлялся ко всем обстоятельствам новой жизни. С самого начала, невзирая на неравенство сил, он не избегал борьбы. Но дубина человека в красном свитере вколотила в его сознание более основательный и упрощенный взгляд на вещи. Прежде, будучи культурной собакой, он мог бы положить жизнь за моральные

ценности — например, хотя бы за то, чтобы защитить хлыст судьи Миллера от посягавших на него воров, — теперь же его полное раскрепощение от цивилизации явно доказывалось способностью отвергать всякие моральные принципы и думать только о собственной шкуре. Он крал не из любви к искусству, а по настоящему требованию своего желудка. Притом он воровал не открыто, а с осторожностью, тайком, опасаясь клыка и дубины. Словом, он поступал так, как было легче и выгоднее.

Его развитие (а может быть, и регресс) шло быстро. Его мускулы стали точно железные, и он потерял чувствительность к обыкновенной, не чересчур сильной боли. Он научился экономить силы, духовные и физические. Теперь он мог есть все что угодно, какой бы отвратительной и трудно переваримой ни была пища. Стоило ему только проглотить любую еду, как желудочно-кишечный сок уже переваривал все съеденное до малейшей питательной частицы и кровь разносила переработанную пищу до самых отдаленных концов его организма, вырабатывая из нее крепчайшую мышечную ткань. Его зрение и обоняние необыкновенно развились, а слух стал настолько острым, что даже во сне он слышал ничтожнейший шорох и умел разбираться в том, возвещает ли он безопасность или беду. Он

научился зубами выкусывать лед, намерзший между пальцами, а когда ему хотелось пить — он знал, что нужно дробить передними лапами лед и под ним окажется вода. Но самой замечательной его особенностью было умение, набрав ноздрями воздух, определять за целую ночь вперед, какой будет на утро ветер. Как бы с вечера ни было тихо в воздухе, когда он рыл нору в снегу под деревом или на берегу, — если поднимался ночью ветер, то он всегда заставлял Бэка уютно свернувшись в клубочек под хорошей защитой с подветренной стороны.

Но он постигал все это не только опытом, нет — в нем зашевелились давно умершие инстинкты. Отпадало то, что было унаследовано им от поколений прирученных предков. Он как бы стал теперь смутно припоминать давно прошедшие времена всего своего вида, когда дикие стаи собак еще бродили по девственным лесам и отыскивали добычу. Для него уже не составляло труда пускать в дело когти, зубы и короткую волчью хватку. Так ведь дрались и его забытые, далекие предки! Это они всколыхнули в нем старую жизнь, и бывшие приемы борьбы, запечатлевшиеся в наследственности вида, стали теперь его достоянием. Они пришли к нему без всякого зова с его стороны, как будто он и раньше владел ими. И когда в тихие, холодные ночи он поднимал морду к

звездам и долго по-волчьи выл, то это были в нем его предки, обратившиеся ныне в пыль и прах, но когда-то поднимавшие морды к звездам и вывшие в продолжение тысячелетий так же, как и он. Приступы его тоски изливались в тех же звуках, которые означали извечную скорбь и то, как действовали всегда на собак тишина, холод и мрак.

И вот, точно в доказательство того, что жизнь — простая игрушка, в нем заговорили вдруг воспоминания о былом, и он вернулся к первобытным инстинктам, вернулся потому, что люди нашли на Севере желтый металл, и потому, что Мануэль был помощником садовника и получал жалованье, которого ему не хватало на жену и ребятишек.